

ПРОКЛЯТЫЕ БЕРЕГА

От Джамелии к Удачному)

**Пиратские
острова**
(точное
местоположение
неизвестно)

Гнилая
вода

Коготь-
остров

Удачный

Глинистый
остров

Стена

камни

залив
Торговцев

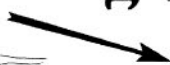
Папоротниковый
остров

Старушечий
остров

Рассыпанные
острова

Тощие
острова

Дикое море

ПРОЛИВ

ХАУЗЕРА

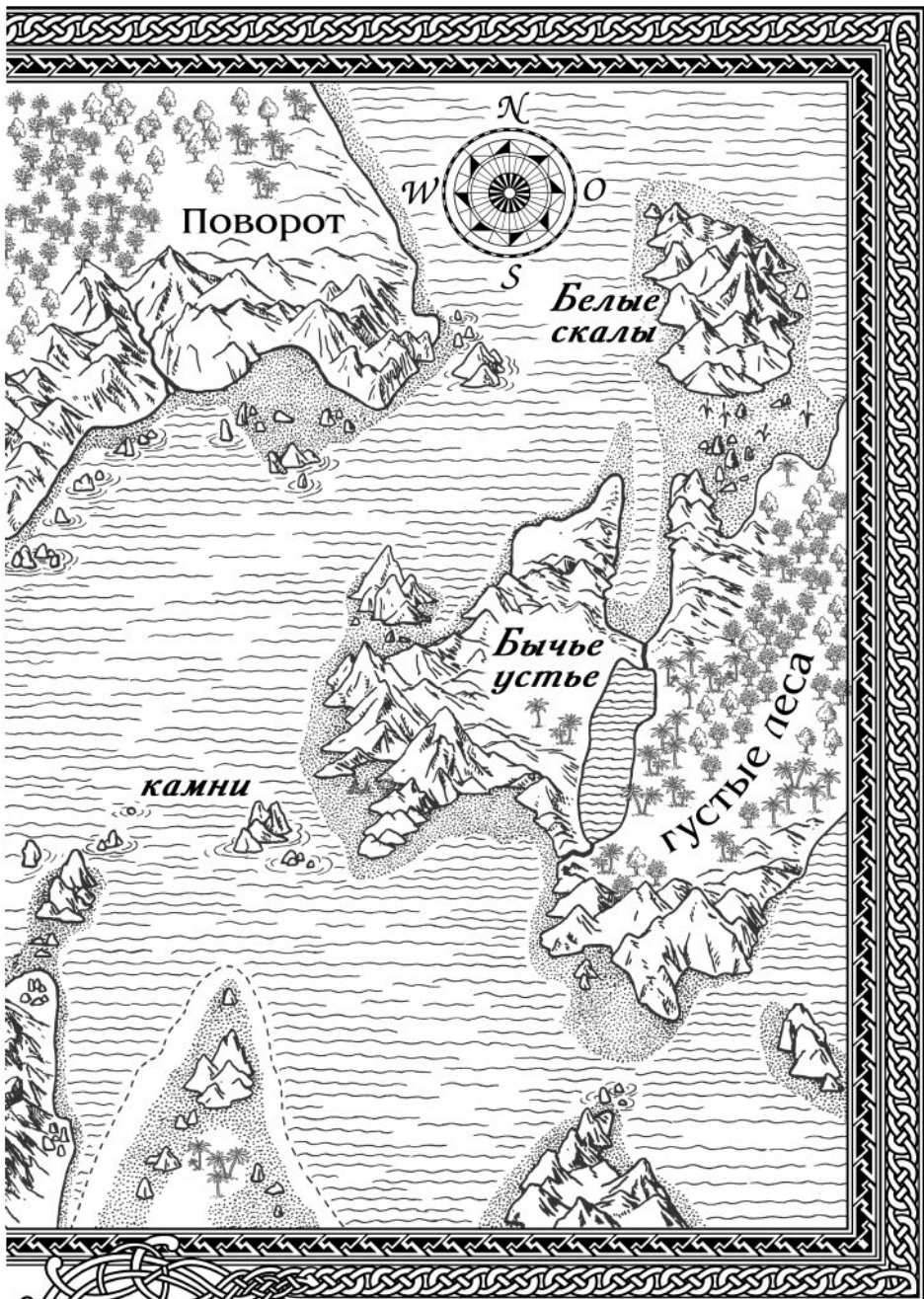
Проклятые скалы

Кривой
остров

Дикий
остров

камни

камни

Часть первая

ВЕСНА

Глава 1

БЕЗУМНЫЙ КОРАБЛЬ

Свежий бриз, овевавший его грудь и лицо, был кусаче-холодным, и все же этот ветер нес с собой что-то, явственно намекавшее: скоро придет весна. В воздухе пахло йодистой морской солью — отлив обнажил заросли морской капусты у берега. Крупный песок под килем был еще влажен после вчерашнего ливня. Янтарь развела костерок, и дым щекотал ноздри. Носовое изваяние отвело в сторону слепое лицо. Потом подняло руку и почесало нос.

— Дивный вечер, не правда ли? — обратилась к нему Янтарь. Говорила она так, словно продолжала только что прерванный разговор. — Небо совсем очистилось. Кое-где еще видны облачка, но луна светит всюду, да и звезды высыпали. Я набрала мидий и вернула их в водоросли... Когда костер прогорит, я испеку их в углях.

Женщина умолкла, явно ожидая ответа.

Совершенный промолчал.

— Может, отведаешь, когда они будут готовы? Я знаю, ты не нуждаешься в пище, но хотя бы ради нового ощущения?

Он зевнул. Потянулся. И скрестил руки на груди. Кое в чем Янтарь не могла с ним равняться. Тридцать лет, что он провел вытаскиваемым на берег, научили его истинному терпению. Он знал, что переупрямит ее. «Интересно, чем у нас сегодня кончится? Она опечалится или рассердится?..»

— Ну и кому лучше от того, что ты отказываешься говорить со мной? — задала она совершенно справедливый вопрос. Он слышал по голосу, что ее терпение на исходе. Он даже не позаботился передрнуть плечами.

— Совершенный, я начинаю думать, что ты попросту безнадежен. Почему ты не желаешь со мной разговаривать? Неужели ты не понимаешь, что только я способна спасти тебя?

«Спаси — от чего?» — мог бы он поинтересоваться.

Если бы он с нею разговаривал.

Он услышал, как она поднялась и обошла его форштевень¹, оставившись прямо напротив него. Он не торопясь отвел изуродованное лицо в сторону.

— Ну и отлично, — сказала она. — Валяй, притворяйся, будто не слышишь меня. Мне, в общем-то, плевать, отвечаешь ты или нет, но слушать, что я говорю, тебе все равно придется. Тебе грозит опасность! Самая что ни на есть настоящая! Я знаю, ты был доволен тем, что я предложила твоей семье выкупить тебя у них... Но я все равно сделала им предложение. Так вот: они мне отказали.

Совершенный позволил себе чуть слышно презрительно фыркнуть. Естественно, они ей отказали! Он был фамильным живым кораблем семейства Ладлаков. А значит, как бы ни был он унижен и обесчещен, они ни о чем его не продадут. Да, они целых тридцать лет продержали его вытасненным на берег и закованным в цепи, но продать — ни за что! Ни «новым купчиком», ни этой Янтарь. Не продадут — и все тут. Он с самого начала знал это.

— Я напрямую переговорила с Эмис Ладлак, — упрямо продолжала Янтарь. — Не так-то легко было добиться с ней встречи... Когда же в конце концов мы побеседовали, она изо всех сил притворялась, будто ее потрясло мое предложение. Она всячески настаивала, что ты не продаешься — ни за какие, мол, деньги. Она говорила прямо как ты: дескать, ни один торговец Удачного, происходящий из старинного рода, ни за что не продаст свой живой корабль. Что-де так у них просто не поступают...

Совершенный не сумел удержать медленно проявляющейся на лице улыбки. «Значит, я до сих пор небезразличен им... Да как я вообще мог сомневаться в этом?» Он был в некотором роде даже благодарен Янтарь за то, что она сделала-таки его семье это скандальное предложение. «Может, теперь, когда Эмис Ладлак в разговоре с посторонним призналась, что я по-прежнему член семьи, она расчувствуется и решит меня навестить?..» А коль скоро Эмис решится прийти к нему, их свидание может возыметь последствия. Чего доброго, он еще отправится в море, ведомый дружеской рукой на штурвале...

Воображение успело унести его весьма далеко, но голос Янтарь безжалостно вернул его с неба на землю.

— Она якобы очень расстроилась оттого, что вообще появились слухи, будто ты выставлен на продажу. Она сказала — это прямой

¹ *Форштевень* — передний брус по контуру носового заострения судна, соединяющий обшивку правого и левого борта.

урон для чести ее семьи. А потом она заявила... — тут голос Янтарь внезапно осел то ли от страха, то ли от гнева, — ...заявила, что наняла каких-то людей, которые должны отбуксировать тебя прочь из Удачного. Так сказать — с глаз долой, из сердца вон. Это, мол, будет лучше для всех...

И Янтарь весьма многозначительно замолчала.

Совершенный ощутил, как в его груди, изваянной из диводрева, что-то мучительно сжалось и напряглось...

— Ну, — продолжала Янтарь, — я и поинтересовалась, кого же она наняла.

Он быстро поднял руки и заткнул пальцами уши. Он не желал ничего слушать и слышать! Он не позволит ей сыграть на его тайных страхах!.. «Значит, моя семья намерена меня переместить... Но это же ничего не значит. Даже интересно будет оказаться где-нибудь в другом месте...» Может, хоть в этот раз, вытаскивая его снова на берег, они установят его на ровный киль. Уж как ему надоел этот постоянный крен на один борт...

— Она ответила, что это не мое дело! — повысила голос Янтарь. — Тогда я спросила ее, являются ли эти люди торговцами из Удачного. Она наградила меня таким злым взглядом! А я спросила, куда же именно Мингслей потащит тебя на разборку..

Совершенный в отчаянии принялся напевать. Поначалу без слов, но зато громко. Янтарь продолжала говорить. Он не мог и не желал слушать ее. Он крепче всунул пальцы в уши и запел что было мочи:

Грошик за сладкую булочку,
Еще один — за чернослив,
Еще один грошик —
На быструю лошадь,
Чтоб сто принесла, победив...

— ...Она велела выставить меня за дверь! — прокричала Янтарь. — А когда, стоя перед воротами, я пообещала выступить по этому поводу на Совете торговцев, она спустила на меня собак. Я от них еле спаслась!

Несите, качели, меня высоко,
Несите меня в небеса... —

изо всех сил горланил Совершенный детскую песенку. Янтарь была кругом не права! Потому что она просто не могла, не смела быть права! Его семья собиралась только отбуксировать его на новое

место. В хорошее, безопасное место. И все!!! И какая разница, кого они для этого наняли! Он на все согласен, только бы опять оказаться на плаву. Он покажет им, как на самом деле легко и просто с ним управляться. Он покажет им, как он раскаивается во всем том скверном, что его когда-то заставили совершить...

Янтарь умолкла. Осознав это, Совершенный сперва понизил голос, а потом, убедившись, что более ничто не нарушало тишины, и вовсе перестал петь. И наконец даже вытащил из ушей пальцы. По-прежнему вокруг не раздавалось ни звука — только приглушенно бормотали волны, да шелестел под ветром береговой песок, да потрескивал костерок, разведенный Янтарь. Совершенному захотелось кое-что знать, и он спросил вслух, совсем позабыв, что не разговаривает с ней:

— Когда меня переправят на новое место, ты по-прежнему будешь навещать меня там?

— Ох, Совершенный... Хватит уже обманывать себя! Если они тебя стронут отсюда, то только затем, чтобы разобрать на кусочки и использовать твоё диводрево!

— А мне наплевать, — заявило корабельное изваяние. — Я не возражаю против того, чтобы умереть.

— Я что-то не уверена, что ты умрешь, — тихо, устало ответила Янтарь. — Боюсь, они первым делом отъедят тебя от корабля. Если это тебя не убьет, они тебя, скорее всего, отвезут в Джамелию и там продадут как диковинку. Или поднесут в дар государю сатрапу... в обмен на разные милости и привилегии. И почему знать, как там с тобой будут обращаться...

— Будет больно? — поинтересовался Совершенный.

— Не знаю. О твоей природе мне слишком мало известно. Ну вот, например, было ли... было ли больно, когда тебе изрубили лицо?

Он снова отвернул изуродованную голову прочь... Потом поднял руки и прошелся пальцами по торчащему месиву щепок на том месте, где когда-то были глаза.

— Да, — сказал он, и его лоб собрался морщинами. Но тут же добавил: — Нет, толком не помню. Я, знаешь ли, очень многое позабыл. У меня ведь все бортжурналы пропали.

— Не помнить — это иногда проще всего...

— Думаешь, я вру, да? Думаешь, я все помню, просто признавать этого не хочу? — завелся он, надеясь на хорошую ссору.

— Послушай, Совершенный. Вчерашний день мы все равно не в силах изменить. Мы с тобой говорим о том, что будет завтра.

— Так они прямо завтра придут?

— Откуда я знаю! Я просто так выразилась! — Она вдруг подошла вплотную к нему, дотянулась и прижала к его корпусу обе ладони. Ночь стояла прохладная, на руках у нее оказались перчатки... и все же это было прикосновение. Совершенный ощутил ее руки как два пятнышка теплоты на своей обшивке. — Мне невыносима сама мысль о том, что тебя куда-то уволочут и разрежут, — сказала она. — Даже если это не причинит боли и не убьет тебя... Все равно не могу!

— Но ты ничего не можешь поделать, — заметил корабль. Подумал и сказал такое, чего ни разу еще не говорил: — Мы оба ничего не можем поделать.

— Ты еще на судьбу ссылаться начни, — рассердилась Янтарь. — Что за бред! Мы очень даже многое можем сделать! А если ничего другого не останется — клянусь, я встану прямо здесь и буду с ними сражаться!

— Ну и проиграешь, — сказал Совершенный. — Глупо драться, если заранее знаешь, что не победишь.

— А будь что будет, — сказала Янтарь. — Надеюсь, впрочем, что до этого не дойдет. Вернее, не собираюсь этого дожидаться. Я хочу их опередить. Нам нужна помощь, Совершенный. Нам нужен кто-то, кто сможет поднять за нас голос на Совете торговцев!

— А ты сама?

— Ты же знаешь — я не могу. На эти собрания допускаются только торговцы из старинных семейств, и они одни имеют право там говорить. Потому-то нам и нужен кто-то, кто выступил бы на Совете и убедил их запретить Ладлакам продавать тебя для разборки!

— Кто же это?

— Я надеялась, — упавшим голосом ответила Янтарь, — что ты мне подскажешь... Может, есть кто-то, готовый за тебя заступиться...

Совершенный некоторое время молчал. Потом хрипло расхохотался:

— Никто не захочет за меня заступаться. Пустая это затея, Янтарь! Подумай сама как следует. Даже моей собственной семье нет до меня дела. Я ведь знаю, что они обо мне говорят: я — убийца. И это суцая правда, не так ли? Я потерял всех своих моряков. Я переворачивался и всех топил, да притом не однажды! Ладлаки кругом правы, Янтарь! Так мне и надо: пускай меня продадут и распи-

лят... — Отчаяние затопило его душу, и было оно холодней и бездонней любых штормовых волн. — Вот бы умереть, — вырвалось у него. — Перестать быть. Прекратиться — и все...

— Не шути так, — тихо проговорила Янтарь, но он ощутил по голосу, что она отлично понимала — он не шутил.

Он неожиданно попросил ее:

— Сделай мне одно благодеяние.

— Какое?

— Убей меня прежде, чем они до меня доберутся.

Она тихо ахнула:

— Я... Нет. Я... не смогу...

— Очень даже сможешь, если будешь наверняка знать, что меня идут рубить на кусочки. Я тебе прямо сейчас подскажу лучший способ покончить со мной... Подожди меня. И не в одном месте, а сразу повсюду, чтобы не могли погасить и спасти меня. Если ты загодя начнешь собирать сухой плавник... каждый день понемножку... и складывать у меня в трюме...

— Не смей даже говорить о таком... — еле слышно произнесла Янтарь. И мотнула головой: — Пойду мидии жарить.

Он слышал, как она возилась подле костра. Потом зашипели мокрые водоросли, угодившие в жар раскаленных углей. Она, между прочим, пекла мидии живьем. Он хотел было сказать ей об этом, но потом решил, что это только расстроит ее, но вряд ли убедит выполнить его просьбу. Он стал ждать, чтобы она возвратилась к нему. Вот она подошла и села на песок, прислонившись спиной к его корпусу. Какие тонкие и легкие были у нее волосы... Ветерок трепал их по доскам обшивки, и они цеплялись за древесные волокна.

— Ты, между прочим, сама себе противоречишь, — заметил он погода. — Говоришь, что встанешь насмерть и будешь за меня драться, хотя сама заранее знаешь, что проиграешь. И тут же отказываешь в самой простой милости...

— Хорошенькая милость — гибель в огне!

— Ага. Когда тебя потихоньку рубят на мелкие части, это, конечно, приятнее, — хмыкнул он ядовито.

— Как ты быстро переходишь от детских истерик к холодному умствованию, — поразилась она. — Ты мальчик или мужчина? Кем ты сам себя чувствуешь?

— Обои, как мне кажется. Но ты не увиливай от того, о чем у нас разговор был... Пообещай мне! Пожалуйста!

— Не проси! — взмолилась она.

Он только вздохнул. Все-таки она сделает это. Он понял по голосу: если не останется ни малейшего шанса выручить его — она поможет ему умереть. Станный трепет пробежал по его телу... Он все же добился своего — хоть и грустной была эта победа.

— И еще масло, — сказал он. — Надо заготовить масло. Много кувшинов. Когда они явятся, может случиться так, что времени у тебя будет не много. А с маслом дерево разгорится быстро и жарко...

Последовало долгое молчание. Когда же Янтарь заговорила снова, ее голос был совсем другим, нежели раньше.

— Скорее всего, они попытаются увезти тебя тайно. Скажи мне, каким образом они будут спускать тебя на воду?

— Да, наверное, примерно так же, как и сюда затаскивали. Дождутся высокого прилива... Самого высокого за месяц, и притом ночью. Пригонят ослов, притащат катки, будет много народа и маленьких лодок. Работа немаленькая, но умелые мужики, пожалуй, справятся быстро.

Янтарь задумалась:

— Пожалуй, мне стоит перетащить внутрь тебя мои вещи. Я буду спать там и сторожить... Ох, Совершенный! — вдруг вырвалось у нее. — Ну неужели никто, совсем никто не захочет высказаться за тебя на Совете торговцев?..

— Только ты.

— Я попытаюсь... Боюсь только, ничего из этого не получится. Я здесь, в Удачном, чужая. А они привыкли слушать только своих.

— Ты, помнится, говорила, что тебя в городе уважают...

— Да, уважают. Как ремесленника и делового купца. Но я не из старинной семьи, и им вряд ли понравится, если я начну совать нос в их дела. В один прекрасный день у меня попросту не станет заказчиков. Или еще что похуже... Ты знаешь, город все больше делится на два лагеря: одни — за «новых купчиков», другие — за старинных торговцев. Ходят слухи, будто Совет отправил к сатрапу делегацию и те повезли с собой первоначальную хартию, чтобы потребовать исполнения клятв сатрапа Эсклеписа. Говорят, они намерены требовать, чтобы он отозвал из города всех новоприбывших и отменил их земельные пожалования. Сатрап Касго должен вернуться к старинным установлениям и никому больше не давать земельных наделов без одобрения Совета торговцев...

— Весьма подробные слухи, — усмехнулся Совершенный.

— Я, знаешь ли, привыкла держать ухо востро. Любовь к слухам и сплетням мне не однажды жизнь спасала.

Они опять надолго умолкли.

— Вот бы знать, когда Альтгия возвратится, — с тоскливой задумчивостью проговорила Янтарь. — Я попросила бы ее выступить на Совете...

Совершенный между тем колебался, стоило ли называть имя Брэшена Трелла. Да, Брэшен был его другом. Брэшен с радостью вступился бы за него. Брэшен происходил из старинного торгового рода... Но, подумав об этом, Совершенный тотчас вспомнил: Брэшен был лишен наследства. Он был в семье Треллов такой же паршивой овцой, как и сам Совершенный — в семействе Ладлаков. Мало будет хорошего, если Брэшен возьмется защищать его на Совете... даже если предположить, что его станут там слушать. Два изгоя, поддерживающие друг дружку!..

Он коснулся пальцами шрама на своей груди, ненадолго прикрыв ладонью грубо выжженное клеймо — звезду о семи лучах. Кончики пальцев задумчиво обежали ее контур... Совершенный вздохнул.

— Мидии спеклись, — сказал он. — Я слышу запах.

— Хочешь попробовать?

Он ответил:

— А почему бы и нет?!

В самом деле — почему бы и не попробовать нечто новенькое, пока у него еще не отняли эту способность. Может быть и так, что времени на новые ощущения и впечатления у него осталось очень не много. А потом не будет уже ничего.

Глава 2

НОГА ПИРАТСКОГО КАПИТАНА

— В монастыре у меня бы наставник, Бирандол. Так вот, он говорил, что лучший способ отбросить ненужные страхи и набраться решимости — это прикинуть, чем в наихудшем случае может кончиться затеянное дело. — Уинтроу немного помолчал и добавил: — Бирандол говорил, если подумать о самом худшем результате и всячески к нему приготовиться, это добавляет решительности, когда настает время действовать и уже некуда отступить...

Проказница оглянулась на него через плечо. Большую часть утра мальчик простоял, облокотясь на фальшборт¹ и разглядывая мелкую волну, гулявшую по проливу. Ветер развевал его черные волосы, вытеребив их из косички. Тряпки, в которые превратилось коричневое послушническое одеяние, казались не ризами священнослужителя, а лохмотьями нищего. Носовое изваяние вполне ощущало его душевный настрой, однако предпочитало разделить с ним его нынешнюю склонность к молчанию. Да и, правду сказать, очень мало между ними оставалось невысказанного, такого, чего они и так друг о друге не знали. Ведь даже теперь Уинтроу заговорил не для того, чтобы с нею поделиться или попросить совета, — скорее, сам с собою, просто ради приведения в порядок собственных мыслей. Отлично это понимая, Проказница все же решила чуть-чуть подтолкнуть его:

— А сегодня для нас самое скверное?..

Уинтроу тяжело вздохнул:

— Пират страдает от лихорадки, которая то скручивает его, то отпускает. Причем борьба эта неравная: с каждым разом ему делается все хуже. Кеннит слабеет. Причина ясна: зараза, распространяющаяся из обрубка ноги. Любой укус животного опасен для человека,

¹ *Фальшборт* — пояс обшивки выше палубы судна, выполненный как продолжение борта. Служит ограждением палубы.

но морская змея обладает еще и ядом, причем яд этот — особого рода... Воспаленную часть ноги необходимо отрезать, и чем быстрее, тем лучше. Я нахожу, что он слишком слаб для такой операции, но беда в том, что сил ему уже не набраться. Поэтому мне следует действовать быстро. Я, впрочем, знаю: вероятность того, что он вообще перенесет ампутацию, очень невелика. А если он умрет, то вместе с ним погибнем и мы с моим отцом. Такую уж сделку я с ним заключил... — Он умолк ненадолго, потом продолжал: — На самом деле моя смерть — это не худшее. Самое скверное — это то, что ты останешься одна... Рабыня в руках у этих разбойников... — Уинтроу по-прежнему не смотрел на нее, его взгляд блуждал по беспокойным водам пролива. — Теперь ты понимаешь, зачем я к тебе пришел, — сказал он. — В данном случае у тебя больше прав высказывать свое мнение, чем у меня. Я, похоже, не обо всем как следует поразмыслил, когда договаривался с Кеннитом... Я поставил на кон собственную жизнь и жизнь отца. Между тем, поступив так, я, хотя и неумышленно, и твою судьбу сюда впутал. Я не имел права ею распорядиться. Тем более что тебе, как я понимаю, в случае чего терять придется побольше, чем мне...

Проказница рассеянно кивнула, но заговорила не в лад его мыслям.

— Он совсем не такой, каким я себе представляла пирата... Я о капитане Кенните, — пояснила она. И добавила: — Вот ты говоришь, рабыня. Но он, по-моему, совсем не считает меня своей пленницей.

— И я себе представлял пиратов совсем не такими, как Кеннит, — отозвался Уинтроу. — Да, он обаятелен и умен... но при всем том он — пират. И нам с тобой следует помнить об этом. И к тому же совсем не он будет тобою командовать... если я потерплю неудачу. Потому что тогда он умрет, и о том, кому ты достанешься, останется только гадать. Возможно, это будет Соркор, его нынешний старпом. Или Этта, его женщина. Или Са'Адар попытается заполучить тебя для своих освобожденных рабов... — Уинтроу тряхнул головой. — Нет, — сказал он, — мне-то в любом случае в выигрыше не бывать. Если операция пройдет удачно, Кеннит заберет тебя у меня. Он и так уже делает все, чтобы обаять тебя своими речами и лестью, а его команда трудится на твоих палубах. В том, что касается тебя, моего мнения нынче спрашивают в последнюю очередь... Будет Кеннит жить или умрет — очень скоро я буду не властен тебя защитить...

Проказница повела одним плечиком, изваянным из диводрева.

— А то раньше ты защищал? — осведомилась она с некоторым холодком.

— Боюсь, что нет, — покаянно ответил Уинтроу. — Но раньше я хоть знал, чего ждать. С нами обоими произошло слишком много... и произошло очень быстро. Столько смертей... Такие внезапные перемены... Я не смог ни толком оплакать убитых, ни даже поразмышлять о происшедшем. Я о себе-то перестал как следует понимать, кто я такой...

И оба вновь замолчали, думая каждый о своем.

Уинтроу чувствовал себя странником, заблудившимся во времени. Его жизнь — его настоящая жизнь — осталась далеко-далеко, в мирном монастыре, что стоял в солнечной долине, среди полей и садов... Если бы возможно было ступить назад сквозь лежавшие меж ними дни, просто проснуться и открыть глаза на знакомой узенькой постели, в прохладной келье — Уинтроу был уверен: он зажил бы той прежней жизнью, словно ничего не произошло. «Я прежний. Я не изменился», — убеждал он себя. С некоторых пор у него недоставало пальца, так что ж с того? Он вполне привык обходиться оставшимися девятью. Что же до рабской татуировки у него на лице, так она и вовсе затронула всего лишь кожу. По сути, он никогда не был невольником. Татуировка была жестокой мезьей отца за попытку сбежать. А под этими внешними переменами он оставался все тем же Уинтроу. Оставьте его в покое хотя бы на несколько дней — и он снова обретет внутренний мир, подобающий священнослужителю...

Увы, пока ему о покое оставалось только мечтать... За последнее время все в его жизни встало с ног на голову, ему довелось испытать чувства столь сильные, что они даже несколько притупили его восприятие. И Проказница переживала очень сходный внутренний хаос, ведь она ощущала и видела все те же ужасы и жестокости, что и он. Кайл Хэвен принудил юный, только что пробудившийся живой корабль служить для перевозки рабов — и несчастное судно погрузилось в пучину страданий своего несчастного груза. И даже Уинтроу — плоть от плоти и кровь от крови ее семьи — оказался неспособен утешить ее. Его служба на фамильном корабле была подневольной, и это отравило их связь, возникшую по праву родства. В какой-то момент они превратились чуть ли не во врагов — что, конечно, только усугубляло горестные переживания Проказницы. И тем не менее они с Уинтроу продолжали держаться вместе. Как два раба, прикованные друг к другу...

А потом разразилась страшная штормовая ночь, когда кровавый бунт, поднятый рабами, разом освободил ее и от доли невольничьего судна, и от немилосердного капитанства Кайла Хэвена. Вся ее прежняя команда погибла — вся, кроме Уинтроу и его отца-капитана. А едва рассвело, неуправляемый корабль захватили пираты. Капитан Кеннит и его люди пленили Проказницу, даже не обнажая оружия. Вот тогда-то Уинтроу и заключил с Кеннитом сделку, о которой только что говорил кораблю. Он посулился спасти жизнь капитану пиратов, взамен же вытребовал жизнь отца и свою собственную. Са'Адар — жрец, угодивший в неволю и ставший предводителем бунта рабов, — возымел по этому поводу свое мнение. Он желал не только самолично вынести приговор отцу Уинтроу, капитану Хэвену, но и стал добиваться, чтобы Кеннит передал корабль ему и другим бывшим рабам, — он полагал, что Проказница по праву принадлежала именно им...

Кто бы из них в итоге ни одержал верх — в любом случае будущее и для Уинтроу, и для Проказницы оставалось туманно. Симпатии корабля, правда, были на стороне пирата...

Впереди них по увенчанным кружевными барашками волнам резво бежала «Мариетта». Проказница охотно и радостно следовала в кильватере¹. Шли они в какую-то пиратскую крепость; никаких подробностей Уинтроу известно не было. На западе не удавалось различить линию горизонта: там лежали окутанные туманом Проклятые берега. Бурные, горячие реки, которыми изобиловали эти места, изливали в пролив свои мутные и дымные воды. Вот почему здесь почти все время клубился густой туман, а береговая линия постоянно менялась. В зимние месяцы здесь можно было дожидаться внезапного и свирепого шторма — да и летом, когда погоды стояли гораздо более милосердные, время от времени приключались сокрушительные ненастья... Пиратские же острова так и не были толком нанесены ни на одну карту. Не было особого смысла зарисовывать берега, которые едва ли не завтра могут изменить свои очертания. Попав сюда, благоразумные мореходы старались держаться мористее² — и проскакивали негостеприимные воды как можно быстрее... Однако «Мариетта» двигалась вперед самым уве-

¹ *Кильватер* — след на воде после прохождения судна. Следовать в кильватере, в кильватерном строю — имеется в виду расположение движущихся кораблей таким образом, что линия строя совпадает с линией курса.

² *Мористее* — дальше от берегов, в сторону открытого моря.

ренным образом, ведя за собою «Проказницу»¹. Пираты определенно были очень хорошо знакомы со всеми здешними проливами и островками.

Уинтроу повернул голову и снова оглядел палубы «Проказницы». Пират по имени Брик, которому было доверено начальствовать, громким голосом выкрикивал команды, и моряки, они же разбойники, умело и расторопно исполняли их, носясь туда-сюда по снастям. Уинтроу оставалось только признать: ни разу доселе он не видал, чтобы с «Проказницей» управлялись настолько искусно. Пусть эти люди были тысячу раз висельники, но моряцкой сноровки им было не занимать. Они не просто работали на корабле — они двигались так, словно сами были ожившими частями пробужденного корабля.

Но были на палубах и другие люди, основательно портившие картину. Бывшие рабы (а среди них весьма не многие погибли во время сражения), даже освободившись от цепей, далеко еще не обрели былое человеческое достоинство. На их коже виднелись следы кандалов, лица уродовали невольничьи татуировки. Одежда висела жалкими клочьями, сквозь дыры просвечивали костлявые, бледнокожие тела. В свое время капитан Хэвен набил ими «Проказницу», что называется, под завязку; теперь они разместились не только в трюмах, но и по всем палубам, и все равно корабль выглядел переполненным. Рабы не принимали участия в работе команды, не имея на то ни сил, ни умения. Они праздно торчали тут и там и двигались с места на место, только когда занятые пираты прогоняли их с дороги. Иные, кто был покрепче, возились с тряпками и ведерками, наводя чистоту на палубах и особенно в трюмах, жутко провонявших за последнее время. Впрочем, особенного рвения эти люди не проявляли. Видно было, что сложившееся положение дел их не слишком удовлетворяло. Уинтроу мысленно спросил себя, что будет, вздумай они перейти от тихого недовольства к открытому действию...

Уинтроу заглядывал в свою душу, и собственное отношение к бывшим рабам его изумляло. Пока они сидели в цепях, он по доброй воле спускался к ним в трюмы и ухаживал за ними как мог, по-

¹ Когда речь идет о *живых кораблях*, автор книги берет их названия в кавычки, если имеется в виду корабль до его «пробуждения»; после этого события название превращается в имя живого существа, и в дальнейшем кавычки употребляются либо нет, в зависимости от конкретной ситуации в повествовании. При переводе эта политика автора была тщательно сохранена.

Оглавление

Пролог. Воспоминание о крыльях	11
--------------------------------------	----

Часть первая ВЕСНА

Глава 1. Безумный корабль	21
Глава 2. Нога пиратского капитана	29
Глава 3. Коронованный Петух	55
Глава 4. Узы	64
Глава 5. Живой корабль «Офелия»	96
Глава 6. Сатрап Касго	119
Глава 7. Девушка из старинной семьи	132
Глава 8. Погружения	162
Глава 9. Удачный	192
Глава 10. Родной дом	214
Глава 11. Судилище	241
Глава 12. Портрет «Проказницы»	265

Часть вторая ЛЕТО

Глава 13. Тем временем... ..	301
Глава 14. Выбор Сериллы	310
Глава 15. Долгожданные вести	321
Глава 16. Взять штурвал	356
Глава 17. Брошенные	389
Глава 18. Исполнение желаний	417
Глава 19. Свистать всех наверх!	447
Глава 20. Пиратство	472

Глава 21. В трудах и заботах	507
Глава 22. Смятение чувств	534
Глава 23. Последствия	557

Часть третья
РАЗГАР ЛЕТА

Глава 24. Корабль «Золотые сережки»	569
Глава 25. Спуск «Совершенного»	581
Глава 26. Компромиссы	602
Глава 27. Основание королевства	634
Глава 28. Отплытие «Совершенного»	653
Глава 29. Свет клином на Удачном	669
Глава 30. Разборка	689
Глава 31. Затихье	713
Глава 32. Буря	734
Глава 33. Проверки на вшивость	767
Глава 34. Пророчество	793
Глава 35. Трехог	828
Глава 36. Драконица и сатрап	855
Глава 37. Гибель города	873
Глава 38. Капитан «Совершенного»	899
Глава 39. Взлет	911
Эпилог. Память о крыльях	920